

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.098-110

А. С. Васильев*,
А. А. Калистратов**

Применимость норм договорного права к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ

Аннотация. В работе обосновывается применимость норм договорного права к отношениям между мажоритарными и миноритарными участниками гражданско-правовых сообществ. Мажоритарии, подавляя волю миноритариев при принятии решения собрания, имеют обязательства по ведению чужого дела, имеющие договорную природу. Сопоставляется волевое начало в отношениях различных участников гражданско-правовых сообществ и участников договора. На примере корпораций, органы которых представляют собой наиболее доктринально разработанные гражданско-правовые сообщества, демонстрируется как принципиальная возможность применения норм договорного права к отношениям, возникающим между участниками корпорации, так и возможность определения содержания правоотношений между ними. Приводится аргументация в пользу того, что отношения участников ряда гражданско-правовых сообществ сходны с отношениями, возникающими между сторонами договора присоединения. Обосновывается то, что содержание отношений между мажоритариями и миноритариями, вне зависимости от вида гражданско-правового сообщества, должны основываться на положениях о представительстве. В зависимости от вида гражданско-правового сообщества также применимы стандарт поведения сильной стороны договора присоединения, положения договорного права, учитывающие особенности субъектов как лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Предлагается сформулировать стандарты поведения мажоритариев в зависимости от вида гражданско-правового сообщества в законе. Однако в отсутствие таких норм предлагается опираться при формулировании стандарта поведения мажоритариев на положения о представительстве, договорных типах и конструкциях, общих положениях ГК РФ.

Ключевые слова: гражданско-правовое сообщество; юридический факт; решение собрания; договорное право; корпоративное право; гражданско-правовая ответственность; обязательства по ведению чужого дела; фидуциарные обязательства; гражданское законодательство; гражданское право.

© Васильев А. С., Калистратов А. А., 2025

* *Васильев Артем Сергеевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620137
artem256@mail.ru

** *Калистратов Александр Алексеевич*, аспирант кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620137
kalistratov@me.com

Для цитирования: Васильев А. С., Калистратов А. А. Применимость норм договорного права к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 98–110. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.098-110.

Applicability of Contract Law Principles to Relations between Participants in Civil Law Communities

Artem S. Vasiliev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation
artem256@mail.ru

Aleksandr A. Kalistratov, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation
kalistratov@me.com

Abstract. The paper substantiates the applicability of contract law principles to relations between majority and minority participants in civil law communities. Majority shareholders, by suppressing the will of minority shareholders in making decisions at the meeting, have obligations to conduct someone else's business, which are of a contractual nature. The volitional principle in the relations of various participants in civil law communities and parties to the agreement is compared. Studying corporations, whose bodies represent the most doctrinally developed civil law communities, we demonstrate both the fundamental possibility of applying the principles of contract law to relations arising between the participants of a corporation, and the possibility of determining the content of legal relations between them. The paper presents arguments in favor of the fact that the relations between participants in a number of civil law communities are similar to the relations that arise between the parties to a contract of adhesion. It is substantiated that the content of relations between majority and minority shareholders, regardless of the type of civil law community, should be based on provisions on representation. Depending on the type of civil law community, the standard of conduct of the strong party to the contract of adhesion, the provisions of contract law that take into account the characteristics of the subjects as persons carrying out entrepreneurial activity are also applicable. It is proposed to formulate standards of conduct for majority shareholders depending on the type of civil law community in the law. However, in the absence of such norms, it is proposed to rely on the provisions on representation, contractual types and structures, and general provisions of the Civil Code of the Russian Federation when formulating the standard of conduct for majority shareholders.
Keywords: civil law community; legal fact; meeting decision; contract law; corporate law; civil liability; obligations to conduct someone else's business; fiduciary obligations; civil legislation; civil law.

Cite as: Vasiliev AS, Kalistratov AA. Applicability of Contract Law Principles to Relations between Participants in Civil Law Communities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):98-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.098-110.

Введение

В Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации отмечается: «...юридическая доктрина о

решениях собраний развивается неравномерно. Большое количество литературы посвящается вопросам решений общих собраний акционеров, в то время как другие виды решений собраний отошли на второй план»¹.

¹ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 41.

Пятнадцать лет спустя после публикации Концепции можно констатировать, что указанная оценка в значительной степени не утратила своей актуальности. Кроме того, очевидно, что на уровне как нормотворчества, так и правоприменительной практики наибольшего внимания удостоены именно корпоративные отношения, в сравнении с отношениями, возникающими между участниками иных гражданско-правовых сообществ, кроме корпораций.

Трудно не согласиться с позиции сегодняшнего дня и с другим изложенным в Концепции утверждением о том, что *«достижения юридической науки и практики в отношении решений общих собраний акционеров могут быть применимы и к другим видам решений собраний»*².

С момента публикации Концепции была произведена всесторонняя реформа гражданского законодательства в России. В частности, в российском ГК появилась глава 9.1, посвященная общим положениям о решениях собраний, произошли значительные изменения в положениях ГК РФ о юридических лицах. Настоящий момент можно охарактеризовать тем, что, с одной стороны, на всех уровнях — доктрины, законодательства и правоприменительной практики — институт решений собраний получал и получает самое пристальное внимание, а с другой стороны, актуальным вопросом, требующим доктринальной проработки, является то, какие положения гражданского законодательства допустимо применять к отношениям между участниками гражданско-правового сообщества, насколько те или иные инструменты способны обеспечить защиту прав участников гражданско-правового сообщества.

Как на уровне доктринальных разработок, так и на уровне правоприменительной практики постепенно укрепляется отношение к корпорации как к сообществу, при определении содержания отношений внутри которого следует принимать во внимание проявления автономии

воли, по сути — заимствование близких к договорному праву инструментов регулирования с учетом известных законодательных ограничений. Настоящая работа посвящена тому, применимы ли нормы договорного права к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ, нормы о каких договорных типах и конструкциях применимы в зависимости от особенностей правоотношений в том или ином гражданско-правовом сообществе.

1. Обязательства мажоритариев по ведению чужого дела

Вызывает сомнение сам факт наличия хоть каких-нибудь обязательств мажоритариев перед миноритариями. А. В. Егоров указывает, что *«мажоризация — подвид злоупотребления правом в гражданско-правовом сообществе, при котором большинство участников недобросовестно использует свою власть в ущерб интересам гражданско-правового сообщества в целом или отдельных его участников»*, видит законное основание обязательств мажоритариев в п. 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ³. Д. И. Степанов (вероятно, в противовес термину «мажоризация») использовал термин «контрмажоритаризм», говоря об «опасности» оценки решений собраний судами *ex post*, правда, в контексте корпоративных отношений⁴.

Исходя из характера отношений между участниками гражданско-правового сообщества, в которых в силу действия принципа большинства ограничено действие принципа автономии воли (п. 2 ст. 1 ГК РФ), возможно обнаружить природу ответственности большинства участников гражданско-правового сообщества перед меньшинством, поскольку они своими действиями влияют не только на свое имущество, но на имущественную сферу других лиц, а значит, эти обязательства касаются «ведения чужого дела».

² Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 41.

³ Егоров А. В. Борьба с «мажоризацией» участников собрания как формой злоупотребления при принятии решения // Цивилистика. 2023. Март — апрель. С. 48.

⁴ Степанов Д. И. Опасность контрмажоритаризма при оспаривании корпоративных решений (ч. 2) // Закон. 2020. № 12. С. 187.

В российском праве существует множество явлений, когда один самостоятельный субъект частного права своими действиями влияет на возникновение прав и обязанностей у другого субъекта гражданского оборота. Например, один супруг может распоряжаться имуществом, принадлежащим не только ему, но и другому супругу, в силу презумпции согласия другого супруга (п. 2 ст. 35 СК РФ). Или, скажем, действия законного представителя в отношении распоряжения имуществом недееспособных и ограниченных в дееспособности лиц (ст. 32, 33 ГК РФ). К таким явлениям относим и стандарт поведения лица, выступающего от имени юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ).

Все указанные явления подпадают под действие правила, предусмотренного пунктом 1 ст. 10 ГК РФ, согласно которому любое заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав запрещено, а значит, законом запрещены и любые действия, которые влияют на чужую имущественную сферу и заведомо вредны для нее. Однако общая норма (тем не менее более специальная по отношению к принципу добросовестности), которая бы охватывала все указанные явления в российском праве, отсутствует.

В немецком праве такие явления, как указывает А. В. Егоров, характеризуются как единая категория «ведения чужого дела» (*Geschäftsbesorgung*), имеется система принципов, согласно которым ведущий чужое дело обязан действовать добросовестно, надежно, заботливо и т.д. Категория ведения чужого дела существует в рамках положений Германского гражданского уложения о договоре поручения (§ 675 ГГУ) и не урегулирована на уровне общих положений, «поскольку различия между случаями ведения чужих дел весьма значительны»⁵. Таким образом, в немецком праве существует стандарт поведения, изначально возникший в праве договорном и модифицирующийся в зависимости от особенностей тех или иных правоотношений.

Можно согласиться с А. В. Егоровым в том, что, исходя из базового для гражданского права запрета на извлечение преимуществ из своего недобросовестного поведения, такое поведение недопустимо и в отношениях между участниками гражданско-правовых сообществ. Однако содержание таких обязательств по меньшей мере неочевидно. Трудно не признать справедливыми опасения Д. И. Степанова о возможности правоприменителя использовать «очень размытые критерии» при оценке решения собрания правоприменителем, по существу, *ex post*⁶. Признавая, что мажоритарии имеют определенные обязательства перед миноритариями, необходимо обнаружить законные основания таких обязательств, не ограничиваясь основными положениями гражданского законодательства. Отношения между участниками гражданско-правовых сообществ не являются договорными, однако (о чем будет идти речь далее) ввиду того, что в таких отношениях присутствует составляющая, подразумевающая ограниченную свободу усмотрения, мыслимо опираться на нормы договорного права при поиске законного источника обязательств участников гражданско-правовых сообществ друг перед другом. Применению подлежат не любые нормы договорного права, а лишь охранительные нормы, поскольку на основе таких норм возможно выявить следующие из закона способы защиты прав миноритарных участников и стандарты поведения мажоритарных.

2. Обязательства по ведению чужого дела, существующие между участниками корпорации

Прежде чем перейти к вопросу поисков инструментов договорного права в иных гражданско-правовых сообществах, необходимо обозначить, как характеризуется стандарт поведения между участниками корпорации как гражданско-правового сообщества, которому уделяется

⁵ Егоров А. В. Агентский договор: опыт сравнительного анализа законодательных и теоретических конструкций // Ежегодник сравнительного правоведения. М. : Норма, 2002. С. 122.

⁶ Степанов Д. И. Опасность контрмажоритаризма при оспаривании корпоративных решений (ч. 2). С. 187.

наиболее пристальное внимание не только со стороны доктрины, но и со стороны правоприменителя.

Так, А. А. Кузнецов указывает, что, исходя «из общей природы отношений между участниками общества», между участниками корпорации имеются обязательства по ведению чужого дела⁷. При этом А. А. Кузнецов не считает, что к участнику корпорации применим тот же стандарт поведения, что и к директору: *«стандарт надлежащего исполнения обязанности применительно к профессиональному менеджеру и к участнику ООО различается: например, требования в части разумности (необходимой заботливости) по отношению к участнику ООО гораздо меньше, чем к лицам, входящим в органы управления... Однако даже в этом случае участник остается связан требованием лояльности, что подразумевает не препятствовать деятельности общества, в том числе не причинять ему вред»*.

Трудно не согласиться с А. А. Кузнецовым в том, что стандарт поведения директора должен быть выше в сравнении со стандартом поведения участника корпорации. Обязанность директора действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица напрямую проименована в законе (п. 3 ст. 53 ГК РФ), хотя, как следует из сказанного ранее, имеет договорную природу. Российский законодатель сформулировал обязанность директора действовать именно в интересах общества, а не в собственных и не в интересах лица, которое его избрало, со всей очевидностью, по причине того что отношения между исполнительным органом и обществом являются сущностно отношениями с наемным менеджером, который не может иметь собственного интереса, кроме получения вознаграждения за качественно выполненную работу. В отношении мажоритариев в корпорации такая логика не действует, поскольку мажоритарии имеют прежде всего собственный интерес, за возможность реализации которого они запла-

тили, что делает затруднительным в их отношениях с миноритариями применение по аналогии закона (п. 3 ст. 53 ГК РФ) и постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»⁸.

Во-первых, отношения между директором и юридическим лицом сходны с действиями по найму, вплоть до того, что отношения общества и менеджера могут быть подкреплены трудовым (или же не в полной мере трудовым) договором.

Во-вторых, закон не содержит какого-либо прямого указания на содержание правоотношений между мажоритариями и миноритариями, подразумевающих какой-либо стандарт поведения, в отличие от содержания отношений между директором и обществом. В отличие от директора, который не должен иметь собственного интереса, руководствуясь исключительно интересами корпорации, мажоритарии скорее думают о собственном интересе и относятся к корпорации как к инструменту достижения собственного интереса. Директор же обязан действовать добросовестно и разумно в силу прямого указания закона (п. 3 ст. 53 ГК РФ) и скорее заинтересован в демонстрации успехов в качестве управленца перед участниками корпорации, поскольку оценка эффективности управленческой деятельности директора непосредственно влияет на его карьерное положение.

С другой стороны, стандарт поведения мажоритариев в корпорации хотя и ниже стандарта поведения директора, но тем не менее не позволяет осуществлять абсолютно любые действия. Положение мажоритариев куда более устойчиво, чем положение директора. Последнего, если тот будет действовать непрофессионально или корыстно, общество может сменить. Мажоритарии же чувствуют себя уверенно, поскольку не без оснований считают себя хозяевами корпорации. Следовательно,

⁷ Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М. : Статут, 2014. С. 37.

⁸ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 10.

стандарт поведения мажоритариев должен в определенной степени стимулировать учет ими интересов миноритариев.

Как было обозначено, обязательства по ведению чужого дела берут свое начало в договорном праве. В англо-американском праве, в отличие от немецкого, категория ведения чужого дела не выделяется, тем не менее признается договорная природа отношений как между директором и корпорацией, так и между мажоритариями и миноритариями. Такие обязательства именуются фидуциарными⁹, их содержание сопоставляется с фидуциарными обязательствами директора по отношению к корпорации. Канадское законодательство предоставляет миноритариям возможность обращения в суд в случае, если мажоритарии действуют подавляюще, несправедливо ущемляют или игнорируют интересы любого акционера¹⁰. Немецкий правопорядок впоследствии также сформировал практику, из которой следует, что большинство в корпорации имеет фидуциарное обязательство учитывать интересы меньшинства¹¹.

Ученые, исследующие корпоративное право, уделяют значительное внимание вопросу наличия у корпораций договорной природы. Е. А. Суханов указывает: *«содержание корпоративных отношений определяют отнюдь не договор учредителей об их создании, а нормы корпоративного права, в том числе во многом имеющие императивный характер. Поэтому такие отношения ни в коей мере не могут считаться разновидностью обычных договорных (обязательственных) гражданско-правовых отношений... корпоративные отношения не*

*могут считаться разновидностью договорных отношений, а корпоративное право — частью договорного права»*¹².

Другая позиция состоит в том, что любая корпорация является товарищеским соглашением. Д. И. Степанов таким образом описывает механизм учреждения и последующего функционирования корпорации с точки зрения договорного права: *«первоначально акт волеизъявления учредителей совершается единогласно, однако в сделке учредителей закладывается механизм, позволяющий в будущем менять условия такой сделки некоторым большинством, а не по согласию всех сторон такой сделки (договора)»*¹³.

Итак, существует мнение, что участники, учреждая корпорацию, принимают на себя договорное обязательство на будущее время, последующие решения ее (корпорации) участников будут общеобязательны как в отношении тех, кто выступал против такого решения, так и в отношении тех, кто в принятии решения вообще не участвовал.

Прототипом корпорации, исходя из указанной логики, является договор простого товарищества, участники которого хотя и не создают юридическое лицо, имущество которого обособлено от имущественной массы участников договора, но тоже объединяют свои усилия и капиталы в целях ведения общего дела. В силу прямого указания закона (п. 5 ст. 1044 ГК РФ) решения, касающиеся общих дел товарищей, могут приниматься большинством голосов товарищей, если это предусмотрено их соглашением.

Корпорации, согласно приведенной точке зрения, являются более сложной, чем договор

⁹ Решение Верховного суда США по делу *Pepper v. Litton*, 308 U.S. 295 (1939) ; решение Верховного суда США по делу *Southern Pacific Co. v. Bogert*, 250 U.S. 483 (1919).

¹⁰ *Anisman Ph.* Majority-Minority Relations in Canadian Corporation Law: An Overview // *Canada-United States Law Journal*. 1988. Vol. 13. Art. 8. P. 85–102.

¹¹ *Fleischer H.* A Guide to German Company Law for International Lawyers. Distinctive Features, Particularities, Idiosyncrasies // *German and Nordic Perspectives on Company Law and Capital Markets Law* / H. Fleischer, J. Lau Hansen, W.-G. Ringe (eds.). Tübingen : Mohr Siebeck, 2015. P. 21–22.

¹² Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. С. 52–54.

¹³ Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право. Гражданское право и современность : сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина и К. Б. Ярошенко ; ИЗиСП при Правительстве РФ. М. : Статут, 2013. С. 347.

простого товарищества, формой объединения с целью ведения совместной деятельности, однако их договорная природа в целом не вызывает сомнений, поскольку ни одна корпорация не возникает без соглашения ее учредителей. Безусловно, договорная природа корпораций значительно образом ограничена императивными нормами специальных законов об отдельных юридических лицах.

Представляется, что корпорации если и имеют договорную природу, то в том отношении, что они возникли из договорных отношений исторически¹⁴. Нет сомнений в том, что нормы договорного права если и применимы к корпорациям, то в субсидиарном порядке и с приведением серьезного правового обоснования.

В деле общества «Яна Тормыш»¹⁵ судьи Верховного Суда РФ допустили одно утверждение, которое, на первый взгляд, однозначно указывает на то, что в правоприменительной практике была воспринята точка зрения, в соответствии с которой отношения участников корпорации имеют договорный характер: *«все правила, касающиеся ограничения отчуждения доли в уставном капитале третьим лицам, включая право преимущественной покупки доли, могут быть изменены или полностью отменены уставом общества»*.

Тем не менее, вопреки указанному утверждению, положения Закона об обществах с ограниченной ответственностью¹⁶ четко определяют рамки допустимого усмотрения участников общества, действует опровержимая презумпция императивности. Выход за пределы этих рамок

не допускается, поскольку нормы Закона об обществах с ограниченной ответственностью обеспечивают в том числе возможность контрагентов общества не знакомиться с содержанием его устава. Между тем стандарт поведения контрагента общества не подразумевает обязанности контрагента знать о содержании отношений сторон внутри «товарищеского соглашения»¹⁷.

Примечательно, что Верховный Суд РФ впоследствии несколько смягчил свою позицию о том, что корпорация является товарищеским соглашением. Так, в определениях Верховного Суда РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-24465 и от 06.02.2024 № 305-ЭС22-26611¹⁸ говорится, что «ООО является разновидностью товарищества», «положения устава хозяйственного общества не могут противоречить существу законодательного регулирования товарищеского соглашения», а в Обобщении судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.¹⁹, уже используется иная формулировка со ссылкой на те же определения, но без упоминания товарищеских соглашений: *«передача прав и обязанностей, вытекающих из корпоративного участия в делах общества с ограниченной ответственностью, которыми обладает участник, происходит с учетом особенностей, предусмотренных корпоративным законодательством, которое, в свою очередь, исходит из принципа уважения автономии воли участников, отраженной в уставе общества»*. Представляется, что вывод о том, что даже в кор-

¹⁴ Степанов Д. И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. Т. 9. № 3. С. 142–206.

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

¹⁷ Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.), п. 6 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 22 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», п. 27 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ СПС «КонсультантПлюс».

порации, где решения принимаются по принципу большинства, должно иметь место уважение автономии воли участников, является ценным, поскольку при такой оценке применение норм договорного права возможно только в случае ограниченного применения охранительных норм и не означает предоставления участникам корпорации неограниченной договорной свободы.

С позиции *de lege ferenda* степень договорной свободы участников гражданско-правового сообщества должна определяться рамочными императивными нормами специальных законов о том или ином гражданско-правовом сообществе, и эти нормы должны формулироваться исходя из содержания того или иного гражданско-правового сообщества. Однако охранительные нормы договорного права могут восполнить пробелы законодательного регулирования.

В отличие от участников договора простого товарищества, участники корпорации (например, общества с ограниченной ответственностью) не отвечают перед кредиторами своим имуществом. Можно предположить с высокой степенью уверенности, что существует обратная зависимость между степенью обособленности имущества «товарищества» (в виде договора или корпорации, не имеет значения) и степенью свободы усмотрения участников такой общности. Участники договора простого товарищества имеют наиболее полную свободу усмотрения содержания товарищеского соглашения, а участники публичного акционерного общества находятся на другом конце этой воображаемой шкалы степени договорной свободы — и практически не могут отступать от императивных предписаний закона. С одной стороны, как известно, императивность положений законодательства о публичных акционерных обществах связана с упрощением оборота акций, но, кроме этого, участники публичных акционерных обществ с меньшей вероятностью даже в сравнении с участниками общества с ограниченной ответственностью могут попасть в ситуацию, когда будет «проткнута корпоративная вуаль»

и акционеры будут отвечать собственным имуществом перед кредиторами общества.

Таким образом, исходя из того, что в любом гражданско-правовом сообществе применим стандарт поведения лица, ведущего чужое дело, для нормативного обоснования стандарта поведения мажоритариев в отношении миноритариев по аналогии закона допустимо применять охранительные нормы договорного права.

3. Волевое начало отношений между участниками иных гражданско-правовых сообществ

Если существование обязательств мажоритариев по ведению чужого дела в любом гражданско-правовом сообществе не вызывает сомнений, то не столь однозначным представляется вопрос о том, лежит ли в основе возникновения отношений между участниками гражданско-правовых сообществ воля этих субъектов. Согласно ст. 420 ГК РФ договором признается соглашение лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Исходя из указанного определения, можно поставить под сомнение обоснованность предположения о том, что решения собрания имеют хоть в какой-то степени договорную природу, поскольку участники гражданско-правового сообщества, вынужденные подчиняться решению большинства, ограничены законом в осуществлении своих гражданских прав своей волей и в своем интересе.

Тем не менее в договорном праве, где по общему правилу всё решается соглашением сторон, имеются примеры, когда закон позволяет предоставлять одним участникам договора определять своим односторонним волеизъявлением права и обязанности других участников договора. Так, в договоре между предпринимателями возможно установление соглашением сторон права на отказ от исполнения обязательства либо на изменение его условий (абз. 1 п. 2 ст. 310 ГК РФ)²⁰, то есть в силу такого соглаше-

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», абз. 2 п. 10 // СПС «КонсультантПлюс».

ния один участник договора может по своему усмотрению определять его условия для остальных. В договорном сообществе лицо, имеющее право на изменение или односторонний отказ от обязательств, становится таковым ввиду того, что это было достигнуто соглашением сторон.

Участники договора простого товарищества (п. 5 ст. 1044 ГК РФ), полного товарищества и товарищества на вере (п. 1 ст. 71 ГК РФ, п. 1 ст. 84 ГК РФ) могут предусмотреть в договоре возможность принятия решений, касающихся общих дел товарищества, большинством голосов; в положениях об инвестиционном товариществе напрямую указывается на применимость положений гл. 9.1 ГК РФ по общему правилу (п. 3 ст. 9 Федерального закона от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе»²¹).

Как будет продемонстрировано далее, действие принципа большинства также может связывать лицо только в случае, если на то была его воля, что однозначно указывает если не на договорную природу, то на добровольный характер присоединения участников к любому гражданско-правовому сообществу, а значит, к отношениям участников того или иного гражданско-правового сообщества, с учетом их особенностей, мыслимо применение охранительных норм договорного права, поскольку эти нормы способны обеспечить правовую защиту субъективных прав миноритарных участников.

Решения собраний представляют собой юридические акты гражданско-правовых сообществ, принятые по принципу большинства. Сами гражданско-правовые сообщества являются объединениями добровольными. Едва ли можно утверждать, что участники собрания, несмотря на действие принципа большинства, лишены автономии воли полностью. А. А. Кузнецов справедливо указывает, говоря об автономии воли участников корпорации, что при выборе организационно-правовой формы из *numerus clausus* «участники оборота реализуют свою автономию воли через выбор организационно-правовой формы»²². Нет никаких сомнений в том, что

участники гражданско-правового сообщества могут определять своей волей как факт своего вступления в гражданско-правовое сообщество (иногда вступление в гражданско-правовое сообщество является побочным, но обязательным в силу указания закона последствием иного юридического акта), так и содержание взаимных прав и обязанностей между участниками гражданско-правового сообщества в тех рамках, которые установлены законом в зависимости от вида гражданско-правового сообщества.

Очевидно, что степень свободы усмотрения «учредителей» при создании тех или иных гражданско-правовых сообществ различается.

Помимо корпораций, существуют и иные гражданско-правовые сообщества, участие в которых связано прежде всего с желанием людей объединиться и действовать совместно. Таковыми являются некоммерческие организации (за некоторыми возможными исключениями, такими, например, как нотариальные и адвокатские палаты, участие в которых мотивировано прежде всего требованием закона к лицам, которые рассчитывают на получение соответствующего статуса).

Однако зачастую участие лица в гражданско-правовом сообществе продиктовано не желанием объединиться с той или иной целью, а исключительно указанием закона, в виде побочного последствия совершения основного юридического акта. Так, статус участника собрания собственников помещений в многоквартирном доме предопределен приобретением помещения в том или ином многоквартирном доме (ст. 44 ЖК РФ), таким же образом предопределены статус приобретателя доли в праве собственности на участок из земель сельскохозяйственного назначения, который становится и участником собрания участников долевой собственности (ст. 14.1 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»²³), и статус участника нотариальной и адвокатской палаты (ст. 26 Основ законодательства РФ о нотариате

²¹ СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7013.

²² Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М. : Статут, 2017. С. 39.

²³ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.

от 11.02.1993 № 4462-1²⁴, ст. 30 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»²⁵).

Участник собрания кредиторов при банкротстве также не стремится объединиться с другими кредиторами, а рассчитывает на получение части средств должника и становится участником гражданско-правового сообщества при изъявлении им желания быть внесенным в реестр кредиторов в установленный законом срок. Кредитор в силу указания закона (ст. 12 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»²⁶) не может получить часть имущества должника, не вступая в указанное гражданско-правовое сообщество.

Отличия в волевом начале участия в обозначенных гражданско-правовых сообществах от корпораций и некоммерческих организаций видятся в следующем.

1. Сообщества создаются не волей «учредителей», желающих объединиться, а указанием закона в силу иного, не имеющего отношения к воле «учредителей» юридического факта (введение в эксплуатацию многоквартирного дома, возникновение долевой собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения более чем у пяти лиц, банкротство должника).

2. Участники гражданско-правового сообщества, присоединяясь к нему, не имеют возможности каким-либо образом повлиять на установленный законом порядок принятия решений.

Тем не менее, несмотря на то что в указанных гражданско-правовых сообществах участники не стремятся объединиться, а участвуют в них скорее вынужденно, всё же, по существу, это добровольное объединение, поскольку вступление в любое гражданско-правовое сообщество без исключения может быть связано только со свободным волеизъявлением лица. Следовательно, применение норм договорного права даже к таким сообществам принципиально допустимо.

Закон знает значительное количество примеров, когда заключение договора является обязательным для одной из сторон, и в каждом таком примере сторона, для которой заключение договора обязательно, может избежать заключения договора, просто отказавшись от совершения юридического акта, с которым связана последующая обязанность заключить договор. Так, предприниматель может не осуществлять деятельность, характер которой подразумевает, что предприниматель должен ее осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится, если не желает нести обязанность по заключению публичного договора с любым обратившимся к нему лицом (ст. 426 ГК РФ); патентообладатель может не воздерживаться от использования своего изобретения, если не желает предоставлять принудительную лицензию на свое изобретение (ст. 1239 ГК РФ).

Кроме того, зачастую даже до вступления в гражданско-правовое сообщество, не подразумевающего добровольного объединения лиц, будущий участник анализирует в том числе перспективу оказаться в том или ином сообществе. Так, потенциальный кредитор может заранее оценить свои взаимоотношения с другими кредиторами в случае потенциального банкротства будущего должника; при приобретении квартиры зачастую люди задумываются о том, кто будет их соседями и возможно ли с ними будет договариваться о совместном управлении общим имуществом многоквартирного дома.

4. Формулирование стандартов поведения мажоритариев перед миноритариями с помощью охранительных норм сходных с тем или иным гражданско-правовым сообществом договорных типов и конструкций

Отношения между участниками гражданско-правового сообщества не регулируются договором, но основаны на добровольном участии, что позволяет говорить о применимости к граждан-

²⁴ Российская газета. 1993, 13 марта.

²⁵ СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

²⁶ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

ско-правовым сообществам положений о тех или иных, в зависимости от вида гражданско-правового сообщества, договорных конструкциях и типах, с целью определения содержания правоотношений и способов защиты.

Стандарты поведения участников гражданско-правового сообщества можно обнаружить, опираясь на договорные типы и конструкции, наиболее близкие содержанию отношений участников того или иного гражданско-правового сообщества.

Так, обязательства по ведению чужого дела в немецком праве берут свое начало в положениях о договоре поручения. Указанный договорный тип тесно связан с положениями о представительстве (гл. 11 ГК РФ), и стандарты поведения представителя с учетом особенностей положения мажоритариев вполне применимы к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ. Мажоритарии, представляя в том числе и миноритариев, не вправе совершать действия в отношении себя лично только при условии, если нарушают при этом интересы «представляемых» ими миноритариев (п. 3 ст. 182 ГК РФ). Нет ничего противоправного в том, чтобы использовать свой контроль над гражданско-правовым сообществом в своих интересах, однако стандарт должен заключаться в запрете на необоснованное вмешательство мажоритариев в имущественную сферу миноритариев.

Отношения между мажоритариями и миноритариями, как видится, более сложны, чем отношения доверителя и поверенного; при определении содержания правоотношений между мажоритариями и миноритариями, в зависимости от особенностей того или иного вида гражданско-правового сообщества, необходимо принимать во внимание, при каких признаках действия мажоритариев в собственном интересе перестают быть правомерными, нарушение каких интересов миноритариев мажоритариями является недопустимым.

Президиум Верховного Суда РФ в Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах от 25.12.2019 предпринял попытку сформулировать стандарт поведения мажоритарных участников корпорации следующим образом:

«Решение общего собрания участников (акционеров) может быть признано недействительным в случае, если оно принято в ущерб интересам общества и (или) участника (акционера) и при этом участник (акционер), повлиявший на принятие решения, действовал исходя из собственной выгоды или имеются иные доказательства его недобросовестности или неразумности (например, заведомая невыгодность одобренной сделки)».

В более общем виде, применимом к большинству гражданско-правовых сообществ, указанный стандарт допустимо сформулировать следующим образом: мажоритарные участники гражданско-правового сообщества не могут принимать решения, которые, во-первых, создают экономически необоснованные преимущества для определенной категории участников гражданско-правового сообщества, и, во-вторых, такие преимущества создаются за счет непропорционального вторжения в имущественную сферу миноритарных участников гражданско-правового сообщества.

Кроме того, как продемонстрировано ранее, зачастую участник не имеет возможности повлиять на условия присоединения к тому или иному гражданско-правовому сообществу в силу прямого указания закона. Права миноритарных участников гражданско-правовых сообществ могут быть защищены ввиду того, что сходные отношения регулируются положениями о договоре присоединения (ст. 428 ГК РФ). Исходя из п. 2 ст. 428 ГК РФ, можно сформулировать стандарт поведения мажоритариев в таких гражданско-правовых сообществах. Например, участники собрания собственников помещений в многоквартирном доме не могут быть лишены решением собрания прав, обычно предоставляемых собственникам помещений в многоквартирном доме. Мажоритарный участник в таком гражданско-правовом сообществе не может исключить или ограничить свою ответственность за нарушение обязательств либо принимать другие явно обременительные для миноритарных участников решения. Соответственно, имеется и способ защиты, заключающийся в возможности оспаривания такого реше-

ния собрания (п. 2 ст. 428 ГК РФ, п. 1 ст. 181.4 ГК РФ), не исключено в силу прямого указания закона использование этой возможности и лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность²⁷.

Основанием ответственности одних участников гражданско-правового сообщества перед другими может служить пункт 1 ст. 393 ГК РФ, исходя из которого должник обязан возместить кредитору убытки, в том числе связанные с ненадлежащим исполнением обязательства, поскольку обязательство участника гражданско-правового сообщества перед другими участниками имеет договорный характер. Кроме того, в гражданско-правовых сообществах, направленных на осуществление предпринимательской деятельности, стандарт поведения участника должен быть более высоким, чем в остальных, в том числе в силу презумпции наличия вины при ненадлежащем исполнении обязательств в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ.

Заключение

Отношения между сторонами договора и участниками гражданско-правовых сообществ во многом сходны, однако основное различие, которое заключается в ограничении автономии воли участников гражданско-правового сообщества, является достаточно принципиальным, чтобы применять нормы договорного права к отношениям между мажоритариями и мино-

ритариями исключительно по субсидиарному принципу, с приведением достаточного правового обоснования применимости норм с учетом особенностей того или иного гражданско-правового сообщества. Тем не менее восприятие как норм договорного права, так и положений о представительстве как «прототипа» стандартов поведения мажоритария в том или ином гражданско-правовом сообществе является верным подходом, поскольку этот путь уже пройден в отношении ответственности лица, выступающего от имени юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ): стандарт поведения обнаруживается правоприменителем исходя из договорной природы обязательств лица, ведущего чужое дело, с опорой на положения ГК РФ о представительстве (п. 121 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 указывает на «особый характер представительства» органов юридического лица, в ранее действовавшей редакции п. 1 ст. 53 ГК РФ содержалось указание на п. 1 ст. 182 ГК РФ), формулируется изначально в разъяснениях правоприменителя (постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62), а затем в тексте закона (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Кристаллизация стандарта поведения мажоритария в тексте закона является наиболее благоприятным решением, до момента появления такой нормы правоприменитель может формулировать такой стандарт исходя из иных норм, вплоть до ст. 10 ГК РФ, с учетом особенностей того или иного гражданско-правового сообщества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Егоров А. В. Агентский договор: опыт сравнительного анализа законодательных и теоретических конструкций // Ежегодник сравнительного правоведения. — М. : Норма, 2002. — С. 121–178.
2. Егоров А. В. Борьба с «мажоризацией» участников собрания как формой злоупотребления при принятии решения // Цивилистика. — 2023. — Март — апрель. — С. 16–48.
3. Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. — М. : Статут, 2014. — 141 с.
4. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве : краткий очерк. — М. : Статут, 2017. — 160 с.

²⁷ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Степанов Д. И. Опасность контрмэжоритаризма при оспаривании корпоративных решений (ч. 2) // Закон. — 2020. — № 12. — С. 154–188.
6. Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право. Гражданское право и современность : сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина и К. Б. Ярошенко ; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. — М. : Статут, 2013. — 766 с.
7. Степанов Д. И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. — 2009. — № 3. — Т. 9. — С. 142–206.
8. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. — М. : Статут, 2014.
9. Anisman Ph. Majority-Minority Relations in Canadian Corporation Law: An Overview // Canada-United States Law Journal. — 1988. — Vol. 13. — Art. 8. — P. 85–102.
10. Fleischer H. A Guide to German Company Law for International Lawyers. Distinctive Features, Particularities, Idiosyncrasies // German and Nordic Perspectives on Company Law and Capital Markets Law / H. Fleischer, J. Lau Hansen and W.-G. Ringe (eds.). — Tübingen : Mohr Siebeck, 2015. — P. 21–22.

Материал поступил в редакцию 27 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Egorov A. V. Agentskiy dogovor: opyt sravnitel'nogo analiza zakonodatel'nykh i teoreticheskikh konstruksiy // Ezhegodnik sravnitel'nogo pravovedeniya. — M.: Norma, 2002. — S. 121–178.
2. Egorov A. V. Borba s «mazhorizatsiey» uchastnikov sobraniya kak formoy zloupotrebleniya pri prinyatii resheniya // Tsivilistika. — 2023. — Mart — aprel. — S. 16–48.
3. Kuznetsov A. A. Isklyuchenie uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu. — M.: Statut, 2014. — 141 s.
4. Kuznetsov A. A. Predely avtonomii voli v korporativnom prave: kratkiy ocherk. — M.: Statut, 2017. — 160 s.
5. Stepanov D. I. Opasnost kontrmazhoritarizma pri osparivanii korporativnykh resheniy (ch. 2) // Zakon. — 2020. — № 12. — S. 154–188.
6. Stepanov D. I. Svoboda dogovora i korporativnoe pravo. Grazhdanskoe pravo i sovremennost: sbornik statey, posvyashchenny pamyati M. I. Braginskogo / pod red. V. N. Litovkina i K. B. Yaroshenko; In-t zakonodatelstva i sravn. pravovedeniya pri Pravitelstve RF. — M.: Statut, 2013. — 766 s.
7. Stepanov D. I. Fenomen korporativnogo kontrolya // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2009. — № 3. — Т. 9. — С. 142–206.
8. Sukhanov E. A. Sravnitel'noe korporativnoe pravo. — M.: Statut, 2014.
9. Anisman Ph. Majority-Minority Relations in Canadian Corporation Law: An Overview // Canada-United States Law Journal. — 1988. — Vol. 13. — Art. 8. — P. 85–102.
10. Fleischer H. A Guide to German Company Law for International Lawyers. Distinctive Features, Particularities, Idiosyncrasies // German and Nordic Perspectives on Company Law and Capital Markets Law / H. Fleischer, J. Lau Hansen and W.-G. Ringe (eds.). — Tübingen: Mohr Siebeck, 2015. — P. 21–22.